

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.1.1>

UDC 811.161.1'04

LBC 81.411.2-03

Submitted: 05.08.2021

Accepted: 29.11.2021

THE TERM *RAZLICHIE* IN THE FIRST SLAVIC GRAMMARS: SIGNIFICATION AND DENOTATION ISSUES

Irina A. Rebrushkina

Independent Researcher, Moscow, Russia

Olga L. Ariskina

Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

Inna A. Merkulova

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the term *razlichie* functioning in the first Slavic grammars. The research is based on the data contained in the works of Laurentiy Zizaniy and Meletius Smotrytsky, as well as in some later grammatical descriptions. On the basis of etymological, motivational and orienting analyzes, the ratio of denotative and significative components in the structure of the term, which in the first native grammars functioned as *razlichie*, was identified. The review of theoretical research papers on the issue is introduced. The variability of the term usage resulting from the studied exponent signification and denotation ambiguity has been revealed. At the opening phase of the formation of grammatical terminology, reflected in the grammars of the Church Slavonic language in the 16th – 17th centuries the linguistic personality of grammarians, the cultural context of the era are proved to play an important role. The authors conclude that introducing the term *razlichie* in the description of the Church Slavonic grammatical structure was the first step towards understanding the relational meaning of flexion as a morpheme. A comparative analysis of the term and its equivalents functioning in the grammars of ancient Greek, Latin, and Slavic languages has been performed. It was found that the interpretation of the medieval understanding of the term *razlichie* as one of the parts of speech is recognized by the majority of modern researchers, but different assumptions are made about the significative and denotative correlation of the term (indicative-relative pronouns or articles). It is assumed that the signification of the term *razlichie* in its modern interpretation can be explained as follows: it is a rudimentary inflectional category of syncretic (part-of-speech-and-affixal) nature, embodied in the forms of pronouns *i, ja, e*. The denotation of the term *razlichie* is a transitional phenomenon between the realities corresponding to a definite article, an indicative-relative pronoun and an inflection.

Key words: term, first Slavic grammars, history of grammar, signification, denotation, parts of speech.

Citation. Rebrushkina I.A., Ariskina O.L., Merkulova I.A. The Term *Razlichie* in the First Slavic Grammars: Signification and Denotation Issues. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 1, pp. 5-16. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.1.1>

**ТЕРМИН РАЗЛИЧИЕ В ПЕРВЫХ СЛАВЯНСКИХ ГРАММАТИКАХ:
ПРОБЛЕМЫ СИГНИФИКАТА И ДЕНОТАТА****Ирина Анатольевна Ребрушкина**

Независимый исследователь, г. Москва, Россия

Ольга Леонидовна Арискина

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Инна Александровна Меркулова

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Аннотация. Статья посвящена функционированию термина *различие* в первых славянских грамматиках. Исследование опирается на материал, содержащийся в трудах Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого, а также в некоторых более поздних грамматических описаниях. И.А. Ребрушкиной на основании этимологического, мотивационного и ориентирующего анализа выявлено соотношение денотативного и сигнификативного компонентов в структуре термина, функционирующего в первых отечественных грамматиках под экспонентом *различие*, а также представлен обзор теоретических трудов по данной проблематике. Обнаружена неоднозначность употребления этого термина, связанная с неясностью сигнификата и денотата рассматриваемого экспонента. О.Л. Арискиной установлено, что на начальном этапе формирования грамматической терминологии, отраженном в грамматиках церковнославянского языка XVI–XVII вв., важную роль играет языковая личность грамматистов, культурный контекст эпохи и ориентирующий характер терминологии. Сделан вывод о том, что функционирование термина *различие* при описании грамматической структуры церковнославянского языка было первым шагом на пути к пониманию реляционного значения окончания как морфемы. И.А. Меркуловой проведено сравнительно-сопоставительное исследование функционирования данного термина (и его эквивалентов) в грамматиках древнегреческого, латинского и славянских языков. Показано, что интерпретация средневекового понимания *различия* как одной из частей речи признается большинством современных лингвистов, однако при этом выдвигаются разные предположения по поводу сигнификативно-денотативной соотнесенности термина (указательно-относительные местоимения и артикль). Установлено, что сигнификат термина *различие* в его современной интерпретации – это рудиментарная словоизменительная категория синкретичной («частично-аффиксальной») природы, овеществленная в формах местоимений *и, я, е*. Денотат термина *различие* – переходное явление между реалиями, соответствующими определенному артиклю, указательно-относительному местоимению и флексии.

Ключевые слова: термин, первые славянские грамматика, история грамматика, сигнификат, денотат, части речи.

Цитирование. Ребрушкина И. А., Арискина О. Л., Меркулова И. А. Термин *различие* в первых славянских грамматиках: проблемы сигнификата и денотата // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 5–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.1.1>

Введение

Исторические исследования, не теряя своей актуальности, сегодня опираются на новые методы и подходы [Баранов, Зуга, 2020; Вернер, 2020; Ферро, 2020]. Обращение к истории языка дает возможность более глубокого и системного описания языковых единиц, что позволяет анализировать не только исторические изменения языковой

системы, но и эволюцию знаний о ней. Особенно показательным это в области терминологии. По мнению А.В. Лемова, термин представляет собой имманентную системную языковую единицу специальной сферы создания и использования [Лемов, 2000]. В основе структуры такой единицы лежат отношения между тремя составляющими: экспонентом – планом выражения; денотатом – предметом или явлением объективной действи-

тельности; сигнификатом – понятием о предмете или явлении действительности.

Терминология грамматики в исторической перспективе по-прежнему в центре внимания современных лингвистов. Так, например, исследуются общеупотребительные слова в качестве терминов в грамматике Панини [Волошина, 2012], базовые термины тибетской грамматической традиции [Смирнова, 2014], терминологический инструментарий арабских грамматик в изложении аль-Фараби [Андреасян, 2020]. Описание же истории славянской грамматической терминологии имеет некоторые лакуны.

Материал и методы

Данная статья посвящена анализу термина *различие*, функционирующего в первых славянских грамматиках. Исследование опирается в первую очередь на материал, содержащийся в трудах Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого, при необходимости привлекаются данные других источников грамматического содержания XVI–XVII веков.

Автоматическое перенесение морфологических категорий и их обозначений греческого и латинского языков на описание других языков было характерной чертой всех национальных грамматик, которые стали появляться в Европе в XVI–XVII веках. Заметим, что влияние греческой лингвистической мысли на раннюю славянскую не мешало первым отечественным языковедам изобретать и использовать национальную терминологию очень искусно и обдуманно – насколько это вообще было возможно в условиях состояния языка и языкознания того времени.

В древнегреческом языке слово *ἄρθρον* (различие) имело несколько значений, три из которых можно считать терминологическими: «<...> 3) *грам.* предшествующий, ставящийся впереди; <...> 5) *грам.* (тж. ἄ. протакτικόν Arst.) грамматический член¹; 6) *грам.* «незнаменательное», то есть служебное слово *ex.* (φωνέ ἄσῆμος Arst.), то есть предлог (напр. περί), вводное слово (напр. φημί) и т. п.; *ex.* ἄ. ὑποτακτικόν – подчинительное слово» (ДРС, с. 232).

Термин *различие* интересен тем, что возник под влиянием греческого *ἄρθρον*

(*arthron*), но обозначенные им понятие и реалия не вполне очевидны. Таким образом, в особо внимательном изучении нуждаются две вершины терминологического треугольника данной единицы – сигнификат и денотат.

Методологическую основу исследования составляют антропоцентрический подход (предполагается, что в лингвистике теоретические знания (понятия, постулаты) формируются в течение длительного подготовительного периода, важную роль при этом играют особенности языковой личности грамматистов и ориентирующий характер терминологии [Арискина, 2011; Ребрушкина, 2013]) и диалектический принцип развития и взаимосвязи существенных элементов (терминов и понятий) лингвистической науки [Лемов, 2000]. Для решения поставленных задач были использованы описательный, системный, сравнительно-сопоставительный методы исследования.

Результаты и обсуждение

Термин *различие* в ранних славянских лингвистических трудах употреблялся неоднозначно, спорным является то, какой именно сигнификат и денотат подразумевали средневековые славянские грамматисты под данным экспонентом.

О значении *различия* как названия одной из частей речи свидетельствуют прежде всего сами первоисточники.

Так, Л. Зизаний пишет: «Различие есть часть слова скланяема, подчиняема скланяемым именамъ»² (Зизаний, с. 44), подразумевая под термином *часть слова* понятие части речи. Далее ученый называет «последующие» (здесь: грамматические категории) различия: род, число и падеж – и рассматривает соответствующие парадигмы. Для различий каждого из трех родов (мужского, женского, среднего) приводятся формы единственного, двойственного и множественного числа и пяти падежей (*именовного, родного, дателного, творителного, виновного*); в качестве примеров даются парадигмы склонения местоимений *и, я, е* (*иже, яже, еже*) (Зизаний, с. 44–46).

На первый взгляд, в труде Л. Зизания различие дублирует местоимение – точнее, автор именуется различием и выделяет в особую часть речи те реалии, которые мы сей-

час называем местоимениями. На это обратила внимание Н.Б. Мечковская при анализе одной из первых (XIV в.) славянских статей лингвистического содержания «Осьмь чести слова, елико глаголемь и пишемь» (далее – «Осьмь чести слова...»), известной в двух редакциях: русской (Ягич 1885–1895в) и сербской (Ягич 1885–1895б): «В рамках принятых догматических установок трактовка славянских указательно-относительных местоимений *и, я, е* в качестве члена (“различия”) была по-своему продуманным решением. Интересен, однако, не только факт внесения в грамматическое описание чуждой категории, но и то, что уже в первой грамматической статье указывалось на несходство славянского и греческого “различия”: “И убо различия въ еллинскомъ языке многа суть, въ словенскомъ же множае сихъ ихъ же рехомъ не вмещаются” (Осьмь чести: 342³)» [Мечковская, 1984, с. 35–36]. Чрезвычайно примечательно это внимание первых лингвистов к родному языку, проявляющееся вопреки догматическим установкам следовать греческим образцам.

М. Смотрицкий уже сам обращает внимание читателей на избыточность различия в системе частей речи, эксплицируя мысль о том, что функцию различия удовлетворительно выполняет местоимение: «...ѣрѣров: сиречь часть слова, различие называемую, славенскому языкови не свойственну, оставихом местоимению долг ея довольно исполняющую» (Смотрицкий 1619, с. 155).

Дублирование *различие – местоимение* устранено в первом и третьем издании грамматики Смотрицкого: различие в них не включено в перечень частей речи; второе же издание 1648 г. вышло в редакции московских справщиков, и в нем осуществлен возврат к более ранним грамматическим представлениям (см. об этом: [Кузьминова, 2011]). Как следствие, различие в этом издании было возвращено в систему частей речи, сведения о нем здесь в основном повторяют соответствующий раздел грамматики Зизания (Смотрицкий 1648, с. 307–308).

Таким образом, в двух основных грамматиках XVI–XVII вв. термин *различие* соотносился с местоимениями *и, я, е* (*иже, яже, еже*).

Заметим, что известно также понимание данного термина в значении ‘междометие’.

Это нашло отражение в русском переводе латинской грамматики «Donati de partibus orationis ars minor» (далее – Донат). В ее оригинале сигнификату и денотату современного термина *междометие* соответствует экспонент *interiectio*: «Interiectio quid est? – Pars orationis significans mentis affectum voce incondita. – Interiectioni quid accidit? – Tantum significatio. – Significatio interiectionis in quo est? – Quia aut laetitiam significamus, ut evax, aut dolorem, ut heu, aut admirationem, ut papae, aut metum, ut attat, et siqua sunt similia» (Donatus).

Ср. перевод Дмитрия Герасимова (Толмача) (XVI в., Казанский список): «Вопрос. Различие что есть; Ответ. часть вещания, знаменующа ума желания гласом незнаемым. Вопрос. различию колицы пристоят, или нападают; Ответ. едино. Вопрос. что же; Ответ. знаменованье токмо. Вопрос. знаменованье различиемъ в чомъ есть; Ответ. яко или веселиа ума знаменуемъ, яко смеянья: ха ха ха, или болезнованье или тугу, яко: увы, или удивление, яко: о се, па па, или ужась, яко ох ох ох, или аще яже сут подобна симъ» (Ягич 1885–1895а, с. 853).

Термин *interiectio* был переведен здесь как «различие», точнее – соотнесен с уже известным к тому времени экспонентом «различие», впервые появившимся, вероятно, в статье «Осьмь чести слова...», однако характерно, что в ней данный экспонент не используется в значении ‘междометие’, а определяется как «часть едина осьмь частей слова, сказателно падежемъ само о себе» (Ягич 1885–1895в, с. 341); в качестве примеров приведены местоимения *иже, яже, еже* (Ягич 1885–1895б, с. 334; 1885–1895в, с. 341). Подобная интерпретация различия характерна и для позднейших грамматических сочинений: «Адельфотиса...», трудов Зизания и Смотрицкого.

В Донате находим следующий предметно-понятийный состав частей речи (перечисляя, используем современный метаязык, в скобках даем экспоненты, функционирующие в переводе Дмитрия Герасимова, – в тех случаях, когда они не совпадают с современными номинациями соответствующих категорий): имя, местоимение (*проимяние, проименние*), глагол (*слово, речь*), наречие (*предлог словный*), причастие, союз (*сооуз*), предлог

(*представление*), междометие (*различие*) (Ягич 1885–1895а, с. 821–853; 1885–1895в, с. 342–344); в статье «Осьмь чести слова...» названы (в скобках приводим функционирующие в разных редакциях статьи экспоненты, если они отличаются от современных номинаций соответствующих категорий): имя (*име*), глагол (*речь*), причастие (*причестие*), различие, местоимение (*место-имене*, *место имени*), предлог (*предлогъ*), наречие, союз (*сьоузь*) (Ягич 1885–1895б, с. 329; 1885–1895в, с. 335). Таким образом, в переводе латинской грамматики Доната, как и в статье «Осьмь чести слова...» (которая, скорее всего, является переводом с греческого), представлена классическая система восьми частей речи, но сам их предметно-понятийный состав неодинаков: семь сигнификативно-денотативных позиций в обеих работах совпадают (имя, местоимение, глагол, наречие, причастие, союз, предлог), одна является «переменной». В обоих текстах переменная позиция обозначена одинаковым экспонентом *различие*, но в русском переводе Доната этот экспонент используется для номинации сигнификата и денотата, соответствующих современному термину *междометие*, а в статье «Осьмь чести слова...» – для номинации местоимений *и*, *я*, *е* (*иже*, *яже*, *еже*), которые были использованы для замещения актуальной для греческого языка и отсутствующей в церковнославянском позиции артикля. Следовательно, если сопоставить набор частей речи в Донате и статье «Осьмь чести слова...», можно видеть, что на самом деле сигнификативно-денотативных позиций, соответствующих частям речи и известных ко времени появления перевода Доната в славянском грамматическом учении, было не восемь, а девять (перечисляем в терминах современного метаязыка): имя, местоимение, глагол, причастие, наречие, предлог, союз, междометие, различие (с сигнификативно-денотативным компонентом, соответствующим местоимениям *и*, *я*, *е*). Соотнесение *interiectio* с экспонентом *различие* произошло, судя по всему, вследствие желания переводчика сохранить классическую систему, состоящую из восьми частей речи, при этом следует учесть, что в грамматике латинского языка, разумеется, не рассматривался ар-

тикль, а в греческом грамматическом труде, на который ориентирована или переводом которого предположительно является статья «Осьмь чести слова...», не упоминались понятие и реалии, соответствующие междометию (хотя междометие в греческом языке, безусловно, было). Кроме того, Дмитрий Герасимов мог осознавать, что замещение позиции артикля для церковнославянского языка великорусского извода в XVI в. не актуально, и использовать «свободный» экспонент *различие* для номинации актуальных реалий и понятия междометия.

Понимание различия как междометия отражено в исторических словарях (СлРЯ, с. 204), но для ранних славянских грамматических трудов является несистемным, случайным и далее в нашем анализе учитываться не будет.

Интерпретация средневекового понимания различия как одной из частей речи признана большинством современных исследователей русской лингвистической мысли, однако при этом выдвигаются разные предположения по поводу сигнификативно-денотативной соотнесенности термина. Говоря о плане содержания различия, называют:

1) указательно-относительные местоимения *и*, *я*, *е* (Н.Б. Мечковская);

2) артикль: «...в “Грамматике...” Л. Зизания, в “Адельфотисе...” в составе частей речи называлось различие (артикль)...» [Лемов, 2000, с. 159]. Сходную позицию имеет В.П. Даниленко: «Мы обнаруживаем у него (Зизания) тот же состав частей речи, что и в европейском первоисточнике традиционной семасиологической морфологии – грамматике Дионисия Фракийского. Это артикль (“различие”), имя, местоимение (“местоимя”), глагол, причастие, предлог, наречие и союз» [Даниленко, 2009, с. 7].

Оба мнения представляются убедительными:

1) понимание различия как указательно-относительных местоимений подтверждают приводимые в грамматических трудах примеры (см.: (Адельфотис, с. 10; Зизаний, с. 44–46; Смотрицкий 1648, с. 307–308; Ягич 1885–1895б, с. 334; 1885–1895в, с. 341–342));

2) понимание различия как члена обосновано: а) наличием данной единицы в гречес-

ком языке; б) подобием «последующих» значений различия и грамматических категорий греческого артикля.

Согласно точке зрения А.В. Лимова, различие оказывается термином без денотата, поскольку признано, что ни старославянский, ни древнерусский языки не имели артиклей [Лемов, 2000].

При этом два взгляда на различие не противоречат друг другу, являются взаимодополняющими: как уже отмечалось выше, первые славянские грамматисты уподобляли указательно-относительные местоимения *и, я, е* греческому артиклю. Н.Б. Мечковская справедливо замечает, что это было по-своему продуманным решением [Мечковская, 1984, с. 36], однако не приводит аргументов. Ниже приводим доказательство того, что трактовка указательно-относительных местоимений *и, я, е* в качестве артикля является действительно продуманным, осознанным и во многом обоснованным решением первых славянских грамматистов.

Данная трактовка представляется особенно интересной в свете следующих известных лингвистических фактов:

1. Происхождение артикля как грамматического элемента в разных языках связывают с местоимением; определенный артикль возводят к указательным местоимениям.

2. Полные формы прилагательных произошли от кратких с присоединением к ним указательно-относительных местоимений *и, я, е*, что сообщало слову оттенок значения определенности, конкретности (чему соответствует одна из функций определенного артикля). При этом известно, что местоимения в данной роли первоначально самостоятельно склонялись в составе полного прилагательного (подобно древнегреческому артиклю, который также дублировал грамматическую форму имени).

Кроме того, современные специалисты в области сравнительно-исторического языкознания традиционно пользуются термином *член* и его дериватом *членный* при описании процесса образования полных форм прилагательных (*членная форма, членное склонение, членная парадигма, членные прилагательные* и др.).

Из вышеизложенного можно заключить, что в истории славянских языков труд-

но разграничить член (артикль) и указательно-относительное местоимение. Возможно, артикль существовал в праславянском языке, косвенным свидетельством чего является наличие артикля и артиклеподобных элементов в ряде славянских идиомов (в болгарском и македонском языках, некоторых русских говорах).

Споры о существовании артикля в старославянском языке имели место в XIX–XX вв. (см. об этом: [Толстой, 1999], а также: [Толстой, 1957, с. 52–63], где дан подробный обзор исследований, посвященных корреляции употребления греческих имен с артиклем или без и старославянских полных / кратких форм прилагательных в соответствующих оригиналах и переводах). Констатация сходства местоимений *и, я, е* и артикля отражена в современных учебных пособиях: «Вероятно, первоначально эти указательные местоимения выполняли функцию определительного члена и противопоставляли членные формы именным по признаку определенности / неопределенности» [Ремнёва и др., 2009]; «...местоимения *и, я, е* вошли в состав местоименных форм прилагательных» [Ильясова, 2019, с. 116].

Примечательно, что в арабской традиции определенный артикль и относительные местоимения включались в состав артиклей. Это «могло быть результатом влияния либо стоиков, либо Дионисия Фракийского. Стоики, например, определяли “член” как “падежный элемент речи, разграничивающий роды и числа имен”... включая в него относительные местоимения и определенный артикль» [Андреасян, 2020, с. 21].

В любом случае родственная связь категорий местоимения и артикля очевидна. Кроме того, указательно-относительные местоимения, которые в праязыке предположительно были артиклями или артиклеподобными элементами, сыграли также особую роль в генезисе полных форм прилагательных. И нам представляется, что включение понятия *различия-члена* в первые славянские грамматики было результатом глубокого осмысления средневековыми лингвистами исторической роли местоимений *и, я, е*, а не простого следования универсалистским тенденциям и греческому догмату. Судя по всему, первые грамматисты сравнили реалии двух языков (греческого артикля и

старославянского указательно-относительно-местоимения, бывшего когда-то артиклем или, по крайней мере, выполнявшего часть его функций) и обнаружили их очевидное сходство, что можно расценить как отражение в ранних славянских грамматиках зачатков сравнительно-исторического языкознания, тем более что первым лингвистам еще не был известен метод синхронного анализа и язык они описывали в единстве доступных им диахронных и синхронных знаний о нем.

Характерно, что все современные интерпретации различия отталкиваются от понимания его как части речи. Данное мнение обусловлено соответствующей трактовкой термина *часть слова* – трактовкой, которая подтверждается приводимыми в грамматиках дефинициями и фактическим материалом. Однако, на наш взгляд, стоит обратить внимание и на то, что термин *часть слова* в ранних лингвистических работах был лишен однозначности. В первую очередь огромный спектр значений имела лексема *слово*: ‘лексема’, ‘словоформа’, ‘предложение’, ‘высказывание’, ‘выступление’, ‘наставление (поучение)’, ‘письменная работа’, ‘книга’ и др. Выступая как термин, единица *слово* могла функционировать в нескольких значениях в одном и том же грамматическом труде. Так же проявляет себя и термин *часть слова*, который употребляется и в значении ‘часть речи’, и в значении ‘морфема’ (см. об этом: [Арискина 2011, с. 31, 36]).

В результате правомерным будет предположить, что термин *различие*, понимаемый как артикль, мог одновременно передавать идею словоизменяющей морфемы («части слова, подчиняемой склонению»), то есть флексии. Эту гипотезу подтверждают следующие факты:

1. Артикль, как и флексия, может быть представлен в виде постпозитивного аффикса.

2. Флексии полных форм прилагательных в славянских языках образовались от указательно-относительных местоимений, которые в праславянском языке либо представляли собой определенный артикль, либо выполняли часть функций, характерных для определенного артикля.

3. В старославянском языке местоимения *и, я, е* и полные формы прилагательных,

флексии которых восходили к данным местоимениям, существовали синхронно, поэтому средневековые грамматисты, скорее всего, заметили, что формы склонения этих местоимений, приводимые ими как языковые иллюстрации парадигмы различия, в основном совпадают с окончаниями полных прилагательных при их словоизменении.

4. Аналогичное указанному выше совпадение планов выражения части речи (артикля) и флексии наблюдалось в древнегреческом языке: греческий артикль не только выполняет дейктическую функцию, но и выражает грамматические отношения, дублирует грамматические значения окончания существительного, повторяя при этом материальную оболочку его флексии («...в греческом процессе артиклеобразования проходили на фоне сохранения флексийных форм имени» [Фоменко, 2014, с. 82]).

Исходя из перечисленных фактов, предполагаем, что отождествление местоименной парадигмы с системой флексий полных прилагательных было осознано средневековыми славянскими учеными. Видимо, желание подчеркнуть особую роль и двойственную («частеречно-аффиксальную») природу реалий *и, я, е* (функционирование их, с одной стороны, как указательно-относительных местоимений, с другой – как генетических флексий полных форм прилагательных) и послужило основанием для выделения их в особую часть речи⁴, аналогичную греческому *ἄρθρον*, но не слепо копирующую его и не являющуюся, как принято считать, искусственной и чуждой категорией [Мечковская, 1984, с. 36; Кузьмина, Ремнёва, 2000, с. 5]. О самостоятельном осмыслении данного понятия первыми грамматистами свидетельствует и выбранный ими экспонент славянского термина: слово *различие* – результат не калькирования *ἄρθρον*, а его удачного переосмысления, ср. нетерминологические значения слова *ἄρθρον* в древнегреческом языке: ‘член тела’; ‘сочленение, сустав’; ‘орган’; pl. ‘половые органы’ (ДРС, с. 232). Особенно это справедливо, если понимать различие как флексию: по сравнению с экспонентом *окончание* экспонент *различие* не вызывает ненужных ассоциаций с неактуальной идеей конца слова и, напротив, отражает значимые признаки сигнификата.

Более того, если принять во внимание, что «род, число, падеж прилагательного – единая согласовательная категория, оформляющая синтаксическую зависимость прилагательного от существительного» [Ремнёва и др., 2009], то становится понятно, что различие в представлении средневековых грамматистов и было живым воплощением этой категории: абстрактная категория была овеществлена в парадигме местоимений *и, я, е*.

Заключение

Таким образом, анализ функционирования термина *различие* в ранних славянских грамматиках позволяет высказать несколько предположений относительно сигнификативно-денотативного статуса данного термина.

1. Сигнификат термина *различие* в его современной интерпретации может быть объяснен так: это рудиментарная словоизменительная категория синкретичной («частеречно-аффиксальной») природы, овеществленная в формах местоимений *и, я, е*, которым придавалось особое самостоятельное значение в силу того, что осознавалась их артиклевая функция и генетическая роль в формировании полных прилагательных.

2. Денотат термина *различие* – переходное явление между реалиями, соответствующими определенному артиклю, указательно-относительному местоимению и флексии.

Таким образом, термин *различие* представляет собой результат не искусственного переноса, но тонкого, одновременно ретроспективного и проспективного осмысления, отражения в первых славянских грамматиках зачатков знаний об истории языка, зарождения сравнительно-исторического языкознания, а также предэвристической ситуации в открытии флексии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В значении ‘артикль’. Далее в статье *член* и *артикль* будут употребляться как синонимы.

² Здесь и далее цитаты из источников и их заглавия даются в упрощенной орфографии.

³ Н.Б. Мечковская цитирует статью по спискам русских рукописей XVI–XVII вв. (Ягич 1885–1895в).

⁴ По сути, тем же самым желанием подчеркнуть особую роль местоимений в образовании полных форм прилагательных обусловлено употребление термина *член* по отношению к указательным местоимениям *и, я, е* в метаязыке современного сравнительно-исторического языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреасян А. К., 2020. Трактат аль-Фараби «Kitāb al-alfāz al-musta'malah fo al-manṭiq» в грамматическом контексте // Арабистика Евразии. № 9. С. 16–28.
- Арискина О. Л., 2011. История возникновения и развития русской лингвистической мысли: эволюция учения о морфемике и словообразовании (XVI–XVIII века). Саранск : Изд-во Морд. ун-та. 244 с.
- Баранов В. А., Зуга О. В., 2020. Опыт квантитативного исследования Пантелеймонова Евангелия конца XII – начала XIII в. (три статистических эксперимента) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 6. С. 43–57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.4>.
- Вернер И. В., 2020. Вариативные средства грамматического параллелизма в церковнославянских переводах Псалтыри XI–XVI веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 6. С. 5–16. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.1>.
- Волошина О. А., 2012. Некоторые особенности лингвистической терминологии в грамматике Панини // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. № 1. С. 82–94.
- Даниленко В. П., 2009. История русского языкознания: курс лекций. М. : Флинта : Наука. 320 с.
- Ильясова Р. С., 2019. Русские личные местоимения: к истории вопроса // Гуманитарные и социальные науки. № 5. С. 111–121. DOI: 10.23683/2070-1403-2019-76-5-111-121.
- Кузьминова Е. А., Ремнёва М. Л., 2000. Предисловие // Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / сост. Е. А. Кузьминова. М. : Изд-во МГУ. С. 3–25.
- Кузьминова Е. А., 2011. Степень императивности грамматики Мелетия Смотрицкого // Филологические науки. № 4. С. 97–108.
- Лемов А. В., 2000. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии). Саранск : Изд-во Морд. ун-та. 192 с.
- Мечковская Н. Б., 1984. Ранние восточнославянские грамматики. Минск : Университетское. 159 с.

- Ребрушкина И. А., 2013. Ориентирующие свойства терминов в аспекте происхождения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 27–31.
- Ремнёва М. Л. и др., 2009. Палеославистика: мультимедийный учебный модуль // Лингвокультурологический тезаурус «Гуманитарная Россия». URL: <http://tezaurus.oc3.ru/docs/1/> (дата обращения: 28.04.2020).
- Смирнова М. О., 2014. Базовые термины тибетской грамматической традиции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. № 1. С. 23–34.
- Толстой Н. И., 1957. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке (на материале евангельских кодексов) // Вопросы славянского языкознания / отв. ред. С. Б. Бернштейн. М. : Изд-во Акад. наук СССР. Вып. 2. С. 43–122.
- Толстой Н. И., 1999. Опыт типологической характеристики славянского члена-артикла // Избранные труды. В 3 т. Т. 3. Очерки по славянскому языкознанию. М. : Яз. рус. культуры. С. 191–193.
- Ферро М. К., 2020. Церковнославянские слова *имарменя*, *фатунь*, *фортуна* в произведениях Максима Грека // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 6. С. 17–30. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.2>.
- Фоменко Л. Н., 2014. Артикль и предлог греческого языка как показатели синтаксических отношений в предложении // Культурная жизнь Юга России. № 3 (54). С. 82–84.
- 1619 // Грамматики Лаврентия Зизания и Мелентия Смотрицкого / сост. Е. А. Кузьминова. М. : Изд-во МГУ, 2000. С. 129–516.
- Смотрицкий 1648* – Смотрицкий М. Грамматика 1648 г. / предисл., науч. коммент. подгот. текста и сост. указ. Е. А. Кузьминовой. М. : МАКС Пресс, 2007. С. 9–492.
- Ягич 1885–1895а* – Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. Донатус сиречь грамматика и азбука переведенная Димитриемъ толмачемъ съ латинскаго языка 1522-го, а списана 1563-го года. Выбранная от четырехъ книгъ учителя Александра // Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб. : [б. и.], 1885–1895а. С. 816–873.
- Ягич 1885–1895б* – Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. Осьмь честию слова, елико глаголемъ и пишемъ // Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб. : [б. и.], 1885–1895б. С. 328–334.
- Ягич 1885–1895в* – Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. Святого Иоанна Дамаскина о осмихъ частехъ слова, елика пишемъ и глаголемъ // Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб. : [б. и.], 1885–1895в. С. 335–365.
- Donatus* – Donati de partibus orationis ars minor / пер. М. С. Петровой // Диалог со временем. 1999. URL: <http://krotov.info/acts/04/2/1999pet3.html> (дата обращения: 28.04.2020).

REFERENCES

ИСТОЧНИКИ

- Адельфотис* – Αδελφότης : Грамматика доброглаголиваго еллинословенскаго языка. Львов : [б. и.], 1591. 182 с.
- ДРС* – Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. Т. 1 : Около 70 000 слов / сост. И. Х. Дворецкий ; под ред. С. И. Соболевского ; с прил. грамматики, сост. С. И. Соболевским. М. : ГИС, 1958. 1043 с.
- Зизаний* – Зизаний Л. Грамматика словенска совершеннаго искусства осми частей слова и иных нужных новоставлений. Вильно, 1596 // Грамматики Лаврентия Зизания и Мелентия Смотрицкого / сост. Е. А. Кузьминова. М. : Изд-во МГУ, 2000. С. 27–127.
- СлРЯ* – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 21. Прочный – Раскидати. М. : Наука, 1995. 280 с.
- Смотрицкий 1619* – Смотрицкий М. Грамматика славенския правилное синтагма. Евве,
- Andreasyan A.K., 2020. Traktat al-Farabi «Kitāb al-alfāz al-musta'malah fo al-manṭiq» v grammaticheskom kontekste [Al-Farabi's Treatise "Kitāb al-alfāz al-musta'malah fo al-manṭiq" in a Grammatical Context]. *Arabistika Evrazii* [Eurasian Arabic Studies], no. 9, pp. 16-28.
- Ariskina O.L., 2011. *Istoriya vozniknoveniya i razvitiya russkoy lingvisticheskoy mysli: evolyutsiya ucheniya o morfemike i slovoobrazovanii (XVI–XVIII veka)* [The History of the Origin and Development of Russian Linguistic Thought: The Evolution of the Doctrine on Morphemics and Word-Formation (16th – 18th Centuries)]. Saransk, Izd-vo Mord. un-ta. 244 p.
- Baranov V.A., Zuga O.V., 2020. Opyt kvantitativnogo issledovaniya Panteleymonova Evangeliya kotsa XII – nachala XIII v. (tri statisticheskikh ehksperimenta) [Quantitative Investigation of

- the Panteleymon Gospel Dating from the Late 12th to the Early 13th Centuries (Three Statistical Experiments)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 6, pp. 43-57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.4>.
- Verner I.V., 2020. Variativnye sredstva grammaticheskogo parallelizma v tserkovnoslavyanskikh perevodakh Psaltyri XI–XVI vekov [Varying Means of Grammatical Parallelism in the Church Slavonic Translations of Psalms of the 11th–16th Centuries]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 6, pp. 5-16. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.1>.
- Voloshina O.A., 2012. Nekotorye osobennosti lingvisticheskoy terminologii v grammatike Panini [Some Features of Linguistic Terminology in Panini Grammar]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow University Philology Bulletin. Philology], no. 1, pp. 82-94.
- Danilenko V.P., 2009. *Istoriya russkogo yazykoznanija: kurs lekciy* [History of Russian Linguistics: Course of Lectures]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 320 p.
- Ilyasova R.S., 2019. Russkie lichnye mestoimeniya: k istorii voprosa [Russian Personal Pronouns: History of the Issue]. *Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Humanities and Social Sciences], no. 5, pp. 111-121. DOI: 10.23683/2070-1403-2019-76-5-111-121.
- Kuzminova E.A., Remneva M.L., 2000. Predislovie [Preface]. Kuzminova E.A., ed. *Grammatiki Lavrentiya Zizaniya i Meletiya Smotritskogo* [Grammars of Laurentius Zizanius and Meletius Smotrytsky]. Moscow, Izd-vo MGU, pp. 3-25.
- Kuzminova E.A., 2011. Stepen' imperativnosti grammatiki Meletiya Smotritskogo [The Degree of Imperative Grammar of Meletius Smotrytsky]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], no. 4, pp. 97-108.
- Lemov A.V., 2000. *Sistema, struktura i funktsionirovanie nauchnogo termina (na materiale russkoy lingvisticheskoy terminologii)* [The System, Structure and Functioning of a Scientific Term (Based on the Material of Russian Linguistic Terminology)]. Saransk, Izd-vo Mord. un-ta. 192 p.
- Mechkovskaya N.B., 1984. *Ranniye vostochnoslavyanskije grammatiki* [Early East Slavic Grammars]. Minsk, Universitetskoe Publ. 159 p.
- Rebrushkina I.A., 2013. Orientiruyushchie svoystva terminov v aspekte proiskhozhdeniya [Orienting Properties of Linguistic Terms in the Light of Their Origin]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 1, pp. 27-31.
- Remneva M.L. et al., 2009. Paleoslavistika: multimediyinyy uchebnyy modul [Paleoslavistics: Multimedia Educational Module]. *Lingvokulturologicheskiiy tezaurus «Gumanitarnaya Rossiya»* [Linguistic and Cultural Thesaurus "Humanitarian Russia"]. URL: <http://tezaurus.oc3.ru/docs/1> (accessed 28 April 2020).
- Smirnova M.O., 2014. Bazovye terminy tibetskoy grammaticheskoy traditsii [Basic Terms of the Tibetan Grammatical Tradition]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies], no. 1, pp. 23-34.
- Tolstoy N.I., 1957. Znachenie kratkikh i polnykh form prilagatelnykh v staroslavyanskom yazyke (na materiale evangelskikh kodeksov) [The Meaning of Short and Full Forms of Adjectives in the Old Slavic Language (Based on the Material of the Gospel Codes)]. Bernshteyn S.B., ed. *Voprosy slavyanskogo yazykoznanija* [Questions of Slavic Linguistics]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, iss. 2, pp. 43-122.
- Tolstoy N.I., 1999. Opyt tipologicheskoy kharakteristiki slavyanskogo chlena-artiklya [The Experience of the Typological Characteristics of the Slavic Member-Article]. *Izbrannye trudy. V 3 t. T. 3. Ocherki po slavyanskomu yazykoznaniyu* [Selected Works. In 3 Vols. Vol. 3. Essays on Slavic Linguistics]. Moscow, Yaz. rus. kultury, pp. 191-193.
- Ferro M.Ch., 2020. Tserkovnoslavyanskije slova imarmenya, fatun, fortuna v proizvedeniyakh Maksima Greka [Church Slavonic Words Words imarmenya, fatun, fortuna in Maximus the Greek's Works]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 6, pp. 17-30. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.2>.
- Fomenko L.N., 2014. Artikl' i predlog grecheskogo yazyka kak pokazateli sintaksicheskikh otnosheniy v predlozhenii [Article and Preposition of the Greek Language As Indicators of Syntactic Relations in a Sentence]. *Kulturnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural Life of the South of Russia], no. 3 (54), pp. 82-84.

SOURCES

- Adelfotis: Grammatika dobroglagolivago ellinoslovenskago yazyka* [Adelfotis. Grammar of the Literary Hellenic-Slovenian Language]. Lviv, s. n., 1591. 182 p.
- Dvoreckiy I.H., Sobolevskiy S.I., eds. *Drevnegrechesko-russkiy slovar. V 2 t. T. 1: Okolo 70 000 slov* [Ancient Greek-Russian Dictionary. In 2 Vols. Vol. 1. About 70,000 Words]. Moscow, GIS, 1958. 1043 p.
- Zizaniy L. *Grammatika slovenska sovershennago iskustva osmi chastiy slova i inykh nuzhnykhk novostavleniy*. Vilno, 1596 [Slavic Grammar of the Eight Parts of Speech. Vilno, 1596]. Kuzminova E.A., ed. *Grammatiki Lavrentiya Zizaniya i Melentiya Smotrickogo* [Grammars of Laurentius Zizanius and Melentius Smotrytsky]. Moscow, Izd-vo MGU, 2000, pp. 27-127.
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 21. Prochnyy – Raskidati* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries. Iss. 21. Prochnyy – Raskidati]. Moscow, Nauka Publ., 1995. 280 p.
- Smotrickiy M. *Grammatiki slavenskiya pravilnoe sintagma. Evye, 1619* [The Right Syntagma of Slavonic Grammars. Evye, 1619]. Kuzminova E.A., ed. *Grammatiki Lavrentiya Zizaniya i Melentiya Smotrickogo* [Grammars of Laurentius Zizanius and Melentius Smotrytsky]. Moscow, Izd-vo MGU, 2000, pp. 129-516.
- Smotrickiy M. *Grammatika 1648 g.* [Grammar, 1648]. Moscow, MAKS Press Publ., 2007, pp. 9-492.
- Yagich I.V. *Rassuzhdeniya yuzhnoslavvyanskoy i russkoy stariny o cerkovnoslavvyanskom yazyke. Donatus sirech gramatika i azbuka perevedennaya Dimitriem tolmachem s latinskago yazyka 1522-go, a spisana 1563-go goda. Vybrannaya ot chetyrekh knig uchitelya Aleksandra* [Arguments of the South Slavic and Russian Antiquity About the Church Slavonic Language. Donatus is More Precisely a Grammar and Alphabet Translated by Dmitry Tolmach from Latin in 1522, and Written in 1563. Selected from Four Books by Teacher Alexander]. *Issledovaniya po russkomu yazyku. T. 1* [Research on the Russian Language. Vol. 1]. Saint Petersburg, s. n., 1885–1895a, pp. 816-873.
- Yagich I.V. *Rassuzhdeniya yuzhnoslavvyanskoy i russkoy stariny o cerkovnoslavvyanskom yazyke. Osm chestii slova, eliko glagolem i pishem* [Arguments of the South Slavic and Russian Antiquity About the Church Slavonic Language. On Eight Parts of the Word, How We Pronounce and Write]. *Issledovaniya po russkomu yazyku. T. 1* [Research on the Russian Language. Vol. 1]. Saint Petersburg, s. n., 1885–1895b, pp. 328-334.
- Yagich I.V. *Rassuzhdeniya yuzhnoslavvyanskoy i russkoy stariny o cerkovnoslavvyanskom yazyke. Svyatogo Ioanna Damaskina o osmih chasteh slova, elika pishem i glagolem* [Arguments of the South Slavic and Russian Antiquity About the Church Slavonic Language. Saint John of Damascus on Eight Parts of the Word, How We Pronounce and Write]. *Issledovaniya po russkomu yazyku. T. 1* [Research on the Russian Language. Vol. 1]. Saint Petersburg, s. n., 1885–1895v, pp. 335-365.
- Donati de partibus orationis ars minor. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 1999. URL: <http://krotov.info/acts/04/2/1999pet3.html> (accessed 28 April 2020).

Information About the Authors

Irina A. Rebrushkina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Independent Researcher, Moscow, Russia, rebrushkina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2643-5227>

Olga L. Ariskina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Ogarev Mordovia State University, Bolshevistskaya St, 68/1, 430005 Saransk, Russia, ariskina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5716-8881>

Inna A. Merkulova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Voronezh State University, Universitetskaya Sq., 1, 394018 Voronezh, Russia, office@main.vsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1364-5812>

Информация об авторах

Ирина Анатольевна Ребрушкина, кандидат филологических наук, доцент, независимый исследователь, г. Москва, Россия, rebrushkina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2643-5227>

Ольга Леонидовна Арискина, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, ул. Больше-вистская, 68/1, 430005 г. Саранск, Россия, ariskina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5716-8881>

Инна Александровна Меркулова, доктор филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Воронежский государственный университет, Университетская площадь, 1, 394018 г. Воронеж, Россия, office@main.vsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1364-5812>